

ЧИНЪ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ¹⁾

(Историческій очеркъ образованія чина).

2. Чинъ коронованія на Руси.

Доселѣ съ опредѣленностью не установлена хронологическая дата появленія царскаго вѣнчанія на Руси. Сохранившіеся литературные памятники, единогласно выводя его изъ Византіи, въ то же время даютъ разнорѣчивыя хронологическія показанія. Одна группа памятниковъ указываетъ первовѣнчаннаго русскаго князя въ великомъ князѣ Владимірѣ Всеволодовичѣ Мономахѣ (1113—1125), другая приписываетъ первовѣнчаніе великому князю Владиміру Святтому (Святославичу 972—1015). Разница значительная, на цѣлое столѣтіе. Мы по достоинству оцѣнимъ эту разницу, если примемъ во вниманіе, что конецъ X в. и начало XI в., какъ мы видѣли, въ Византіи является переходнымъ моментомъ для чина коронованія: въ этотъ періодъ чинъ вступаетъ въ новую стадію развитія. Очевидно, что для правильнаго освѣщенія исторіи русскаго коронаціоннаго чина, стоявшей въ зависимости отъ византійскаго, не безразлично будетъ, станемъ ли мы начало вѣнчанія на Руси возводить къ X в. или относить къ началу XII вѣка. Неизбѣжно, такимъ образомъ, требуется болѣе или менѣе опредѣленное рѣшеніе вопроса о томъ, какое изъ двухъ хронологическихъ показаній достовѣрнѣе.

Пользовалось широкою распространенностью сказаніе „О поставленіи Великихъ Князей Россійскихъ на великое княженіе святыми Бармами и Царскимъ Вѣнцемъ, откуда бѣ,

¹⁾ См. Б. В. Аирѣль.

и како начаша ставитися“. Вотъ его содержаніе: „Въ лѣто 6722 (1114) бысть князь Великій Владиміръ Всеволодовичъ, рекомый Мономахъ... Той бо Мономахъ прозвася отъ таковыя вины. Егда сяде въ Кіевѣ на великое княженіе, начатъ совѣтъ творити со князи и съ бояры и съ вельможи, глаголя тако: Еда азъ малъ есмь, иже прежде мене царствовавшихъ?... Якоже князь великій Олегъ взялъ съ Царяграда велію дань и здравъ возвратися во свояси; а потомъ князь великій Всеславъ Игоревичъ взялъ на Константинь градѣ тяжчайшую дань... и нынѣ убо ищю совѣта: и кій совѣтъ ми воздаете? Отвѣщаша же князи и бояре и воеводы его: мы есмы всѣ раби твои подъ твоею властію и властію. Владиміръ же, совокупя многія тысячи воинства, отпустилъ ихъ на Фракію Царяграда область; и поплѣниша ихъ области доволно и возвратишася. Тогда бѣ въ Царѣградѣ благочестивый царь Константинь Мономахъ... отряжаетъ убо послы къ великому князю Владиміру Всеволодовичу: митрополита Ефесскаго Неофита и съ нимъ двухъ епископовъ Милитинскаго Евстаѳіа и Стратига Антіохійскаго и иныхъ своихъ благовѣрныхъ. Со своея же царскія выи снимаетъ животворящій крестъ изъ самаго животворящаго древа, снимаетъ же отъ своея главы царскій вѣнецъ; посылаетъ же ожерелье сирѣчь святыя Бармы, яже на плещу свою возлагаше, и цѣпь отъ злата Аравійскаго сковану и иные многіе дары царскіе... крабійцу сердоликову, ею-же Августъ царь римскій веселяшеся“ и посылаетъ „сіи честныя дары, отъ поколѣній царскихъ жребій, на славу и честь и на вѣнчаніе великаго и самодержавнаго царствія“ великому князю Владиміру. Цѣль дара такая: „мы просимъ мира и любви, яко да церкви Божія будутъ и все православіе въ покоѣ; яко да нарицаешися отсель Боговѣнчанный царь“. „Оттолѣ и до нынѣ—говорится въ концѣ сказанія—тѣмъ царскимъ вѣнцемъ вѣнчаются великіе князи, егда поставляются на великое княженіе Россійское“. ¹⁾

Сказаніе заключаетъ нѣсколько историческихъ несообраз-

¹⁾ Древняя Россійская Вивлюэика, изданіе 2-ое, часть VII, стр. 1—4. Москва. 1788 ср. Журналъ Министерства Нар. Просв. 1891, т. 277, стр. 359—361.

ностей, почему называется прямо „сказкой“ ¹⁾. Во-1-хъ, какъ самъ Владиміръ Мономахъ заявляетъ, онъ въ дѣтствѣ получилъ наименованіе Мономаха ²⁾; во-2-хъ, неизвѣстно, чтобы Владиміръ Мономахъ велъ войну съ Византіей, и трудно даже допустить эту войну, такъ какъ, по лѣтописи, онъ велъ лишь охранительныя войны (съ половцами), а не наступательныя; въ-3-хъ, сказаніе допускаетъ грубый анахронизмъ. Владиміръ Мономахъ не могъ вести войны съ Константиномъ Мономахомъ, потому что былъ великимъ княземъ съ 1113 года, а византійскій императоръ Константинъ Мономахъ умеръ въ 1055 г. ³⁾ Этотъ анахронизмъ давно былъ замѣченъ и давно уже старались его устранить; отставивъ присылку инсигній Владиміру Мономаху, указывали виновника ея въ современникѣ Владиміра Мономаха визант. императорѣ Алексіѣ Комнинѣ, приславшемъ на Русь инсигній Константина Мономаха. Изъ XVII в. даже дошла грамота якобы Алексія Комнина къ Владиміру Мономаху, въ которой говорится о тѣхъ же посылаемыхъ имъ инсигніяхъ, какія перечисляются въ сказаніи. ⁴⁾ Но эта попытка исправить хронологическую несообразность сказанія не имѣетъ подъ собой исторической почвы. Въ 4-хъ, Константинъ Мономахъ присылаетъ Владиміру дары съ митрополитомъ ефесскимъ Неофитомъ, но въ списокѣ ефесскихъ митрополитовъ имени Неофита не отыскивается ⁵⁾. Наконецъ, фиктивный характеръ сказанія явствуетъ изъ того, что до начала XVI в. великокняжескія инсигнія не называются „мономаховыми“. Повидимому, вполне естественно было бы найти таковое названіе ихъ въ „духовныхъ“ грамотахъ великихъ князей, но сего и не оказывается. Упомянувъ тѣ же княжескія инсигнія, какія мы находимъ въ повѣсти: шапку, бармы, цѣпи и крабійцу, эти грамоты не называютъ ихъ Мономаховыми.

1) Н. П. Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главн. дѣятелей, т. 1, стр. 67. 3-е изд. СПб. 1888.

2) Полн. собр. Русск. лѣтописей, т. I, стр. 100. (СПб. 1846.

3) Января 11-го. Muralt, Essai de chronographie Byzantine. Petersbourg, 1855, p. 625 и 641.

4) Синодичесъ, или сокращенная исторія, собранная отъ разныхъ авторовъ. СПб. 1718, стр. 199—201. Карамзинъ, Исторія госуд. росе., т. II, прим. 220, 221.

5) Le Quien, Oriens christianus, Paris, 1740, p. 687.

Такъ въ первой княжеской духовной, дошедшей до насъ, духовной великаго князя Иоанна I Даниловича Калиты (1328 г.) мы читаемъ: „а при своемъ животѣ далъ есмь сыну своему Семену: 4 чепи золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты съ женчуги, блюде золото... а изъ золота далъ есмь сыну своему Ивану: 4 чепи золоты, поясъ большой съ женчугомъ, 2 чашки золоты, блюдо серебряно.... а изъ золота далъ есмь сыну своему Андрѣю: 4 чепи золоты, двѣ чары золоты.... А изъ порть моихъ Семену кожухъ черленый, шапка золотая, а Ивану коць великій съ бармами; Андрѣю скорлатное портище сажено зъ бармами“ ¹⁾. Очевидно, тогда еще не знали ни о какихъ фамильныхъ Мономаховыхъ регалияхъ. „Чепей“ было 12 и ни одной изъ нихъ особеннаго значенія не придавалось. Онѣ цѣнятся лишь, какъ металлъ, какъ золото, на ряду съ поясами, чарами, чашами и чашками, блюдами и блюдцами. Шапка одна, но бармъ два экземпляра и ни одинъ изъ нихъ не считается специфическою принадлежностью великокняжескаго достоинства, такъ какъ Семень, великій князь, не получаетъ бармъ, а достаются они младшимъ князьямъ Ивану и Андрею. Бармы здѣсь просто княжеская одежда (порты), которою самъ князь „наряжаетъ“ свои коци и кожухи и Семену предоставляется самостоятельно соорудить себѣ бармы. Нѣтъ здѣсь также крабицы сердоликовой и креста животворящаго. Въ послѣдующихъ грамотахъ, правда, уже неизмѣнно старшему князю передаются чепъ золотая, шапка и бармы ²⁾, являются коробка сердоликовая ³⁾ и крестъ животворящій ⁴⁾, но о Мономахъ ни слова. Между тѣмъ такъ естественно было бы встрѣтить упоминаніе о немъ, если бы это были наслѣдованныя отъ него регалии; встрѣчаемъ же мы здѣсь такія точныя и опредѣленные показанія: крестъ (икона) Парам-

¹⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, часть I-я, Москва, 1813, №№ 21 и 22, стр. 30—34.

²⁾ *Ibid.* №№ 25, 26, 30, 34, 39, 41, 86 и 87.

³⁾ Впервые въ духовной Ивана Ивановича въ 1356 г. №№ 25 и 26, стр. 40 и 42.

⁴⁾ Лишь въ духовной Ивана III въ 1504 г. *ibid.* № 144, стр. 398. Полученъ имъ несомнѣнно по духовной отъ кн. Мих. Андр. Верейскаго въ 1486 г., *ibid.* № 121, стр. 301.

пина дѣла ¹⁾, крестъ Петра чудотворца ²⁾, крестъ золотъ Борисоглѣбской, крестъ золотъ Михайловской Владыченъ ³⁾ „икона Филофѣевская“ ⁴⁾ и мп. др. Крестъ животворящій далѣе является лишь въ началѣ XVI в. ⁵⁾, коробка сердоликовая лишь во второй половинѣ XIV в. ⁶⁾. Естественно было бы встрѣтить далѣе наименованіе великокняжескихъ регалій Мономаховыми въ подробно изложенномъ чинѣ вѣнчанія внука Іоанна III князя Дмитрія Ивановича 1498 г., но мы его въ чинѣ этомъ не находимъ.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что начало XVI в. можно считать приблизительнымъ періодомъ появленія „сказки“ о Мономаховыхъ регаліяхъ ⁷⁾. Если обратить вниманіе на политическія условія конца XV и начала XVI вв., мы найдемъ, что они вполне благопріятствовали возникновенію сказанія и его популярности.

Могущество великаго княжества Московскаго росло. Оно давно уже подчинило многихъ удѣльныхъ князей, превратившихся въ Московскихъ придворныхъ бояръ, а во второй половинѣ XV в. нанесло рѣшительный ударъ и старой Новгородской свободѣ. Самыя внутреннія отношенія московской власти все больше измѣнялись въ смыслѣ окончательнаго единодержавія и самодержавія. Московскій великій князь величалъ себя „единымъ“ Государемъ всея Россіи ⁸⁾ и частенько писался „царемъ“ ⁹⁾. Въ то же время въ русскомъ обществѣ начинаетъ циркулировать идея, что русское государство является прямой преемницей павшей византійской имперіи. Москва—третій Римъ, занявшій мѣсто втораго Рима послѣ его паденія. Софья Палеологъ, послѣдняя представительница исчезающаго царственнаго дома, вступившая въ 1472 г. въ бракъ съ Іоанномъ III, по мнѣнію русскихъ,

¹⁾ *Ibid.* №№ 25 и 26, стр. 40 и 42; № 34, стр. 61 и др.

²⁾ *Ibid.* № 86, стр. 206; № 144, стр. 398 и др.

³⁾ *Ibid.* № 144, стр. 398.

⁴⁾ *Ibid.* № 86, стр. 206.

⁵⁾ *Ibid.* № 25, стр. 40.

⁶⁾ *Ibid.* № 144, стр. 398.

⁷⁾ Явилась она однако, не позднѣе 1523 г. Журн. мин. нар. просв. 1891, т. 277, стр. 55.

⁸⁾ Собр. госуд. гр., т. 5, № 22, 23, 36, 68 и др.

⁹⁾ *Ibid.* №№ 7, 67, 75 и мн. др.

принесла на Русь послѣдніе завѣты павшей имперіи. По крайней мѣрѣ, тогда же Іоаннъ III замѣнилъ русскій гербъ римскимъ двуглавымъ орломъ.

Указанныя притязанія на единодержавіе и византійское преемство нуждались въ историческомъ оправданіи. Такимъ оправданіемъ и явились легенды, какъ напр.: о бѣломъ клобукѣ и т. д. Къ числу этихъ легендъ принадлежало и наше сказаніе. Что въ немъ могло найти себѣ оправданіе притязаніе на единодержавіе, видно изъ того, что Іоаннъ Грозный упорно ссылаясь на это сказаніе, доказывая имъ свое право на царскій титулъ, въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ, не хотѣвшимъ признать за нимъ этого титула ¹⁾). Находила въ сказаніи опору и идея византійскаго преемства. Митр. Макарій писалъ въ степенной книгѣ, что Владиміръ принялъ дары „мужества ради своего и благочестія и—не просто рещи—таковому дарованію не отъ чловѣкъ, но по Божьимъ судьбамъ неизрѣченнымъ претворяюще и преводяще славу греческаго царства на русскійскаго цара“ ²⁾).

Понятно также, почему въ повѣсти выведена личность Мономаха. Какъ обстоятельно доказано г. Вельтманомъ, слово „Мономахъ“ у русскихъ считалось синонимомъ самодержца ³⁾). Ясно, что самодержецъ Владиміръ долженъ былъ получить изъ Византіи и инсигнії.

Итакъ, анализъ повѣсти обнаруживаетъ, что вѣнчаніе нельзя относить ко времени Владиміра Мономаха. Когда же оно появилось на Руси?

Тотъ же самый Іоаннъ Грозный, ссылаясь въ оправданіе своего царскаго титула на Владиміра Мономаха, якобы получившаго царскія регаліи изъ Византіи, одновременно съ тѣмъ ссылаясь и на вѣнчаніе Владиміра Святаго. „И Василью съ товарищи говорити: государь нашъ зоветца царемъ потому: прародитель его великій князь Владиміръ Святославичъ, какъ крестился самъ и землю Русскую крестиль, и

¹⁾ Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. 59, Спб. 1887 стр. 287, 292, 308, 313 и др.; всего 17 ссылокъ.

²⁾ Вѣстникъ Европы 1894, 1, 278 стр.

³⁾ Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. Росс. 1860 г., кн. 1, отд. I, стр. 42—43.

царь греческой и патріархъ вѣнчали сво на царство Русское, и онъ писался царемъ“¹⁾, „а какъ преставился, и по и образъ его на иконахъ пишутъ царемъ“²⁾). Свѣдѣніе о вѣнчаніи Владиміра святаго у Іоанна Грознаго подкрѣпляется при посредствѣ иконографіи. Иконографія и доселѣ лучшее подтвержденіе, что первовѣнчаннымъ княземъ на Руси былъ Владиміръ Святой. Во Владимірскомъ (на Клязьмѣ) Успенскомъ соборѣ открыта фреска несомнѣнно XII в., на которой Владиміръ святой изображенъ въ вѣнцѣ, усыпанномъ жемчугомъ, съ жемчужнымъ крестомъ на верху и въ далматикѣ³⁾).

Память о вѣнчаніи Владиміра Святого сохранилась и въ произведеніяхъ русской народной письменности. Такъ, на-примѣръ, извѣстная повѣсть о Вавилонѣ, которой мы уже однажды касались, въ нѣкоторыхъ редакціяхъ заканчивается повѣстью о вторичномъ переходѣ полученныхъ Византійскимъ императоромъ Львомъ инсигній на Русь при Владимірѣ Святомъ⁴⁾. Но мы имѣемъ письменныя свидѣтельства о вѣнчаніи Владиміра Св. и не легендарныя только, а и историческія.

Послѣ того, какъ у Іоанна Грознаго вышли съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ продолжительныя препирательства изъ-за царскаго титула и когда приводимыя относительно царскаго титула доказательства признаны были съ польской стороны неудовлетворительными, Іоаннъ почувствовалъ потребность вышей санкціи своего царскаго сана и обратился съ этой цѣлью къ Константинопольскому патріарху, прося его, чтобы онъ „о его вѣнчанье благословенье свое соборне отписалъ своею грамотою“⁵⁾. Тогда

¹⁾ Сборн. Русск. Истор. Общ., т. 59, стр. 437, 474, 504, 519, 527, 537.

²⁾ *Ibid.*, стр. 527.

³⁾ Объ иконографическихъ изображеніяхъ св. Владиміра, см статью П. И. Петрова: „Древнія изображенія св. Владиміра“ по „Владимірскомъ Сборникѣ въ память 900-лѣтія крещенія Россіи“, Кіевъ, 1888 Копія Владимірской фрески, хромофотографически воспроизведенная художникомъ В. А. Барвитовымъ, была впервые помѣщена въ книгѣ П. Н. Батюшкова: „Холмская Русь“, СПб., 1887, стр. 6; еще можно ее видѣть въ книгѣ: „Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ“. Кіевъ, 1888.

⁴⁾ Слав. сборн., т. 3, стр. 139—140

⁵⁾ Соборная Грамота духовенства восточной церкви, утверждающая санъ царя за В. К. Іоанномъ IV, изъ кн. М. А. Оболенскимъ, Москва, 1850, стр. 33.

господствовало убѣжденіе, что „вѣнчаніе (царское) не имѣеть власти совершать не только митрополитъ, но и никакой другой патріархъ, кромѣ Римскаго и Константинопольскаго“. Возложеніе вѣнца считалось привиллегіей (*προνόμιον*) этихъ двухъ патріарховъ ¹⁾. Патріархъ благословилъ и успокоилъ его сперва самъ только, а вскорѣ затѣмъ собралъ соборъ, на которомъ и составлена была благословенная Ивану Грозному грамота за подписью патріарха, 31 митрополитовъ, одного архіепископа и трехъ епископовъ. Въ качествѣ основанія для дарованія великому князю Московскому: „быти и именоватися во цари законнаго и благочестивѣйшаго, увѣнчаннаго и отъ насъ законно, купно и церковно (*εἶναι καὶ ἀνομιάζεσθαι εἰς βασιλεῖα νόμιμον καὶ εὐσεβέστατον, ἐστεμμένον καὶ παρ' ἡμῶν νομίμως ἕνα καὶ ἐκκλησιαστικῶς*)“²⁾ указывается то, что онъ „и отъ рода изводится и крове царскія (*ἐκ γένους κατάρχεται καὶ αἵματος βασιλικοῦ*)“, именно „отъ приснопамятныя царицы и государыни Анны“³⁾. Эта Анна—супруга вел. кн. Владиміра Святаго, сестра греческихъ императоровъ Василія и Константина ³⁾. Но это только одно основаніе. Другое основаніе указывается въ томъ, что великій князь Владиміръ получилъ изъ Греціи царскій вѣнецъ, діадиму и другія царскія инсигнії и одежды. Эти инсигнії были возложены на него по волѣ греческаго императора и по благословенію патріарха Константинопольскаго митрополитомъ Ефесскимъ и патріархомъ Антиохійскимъ. Но мѣсто въ грамотѣ, трактующее о второмъ основаніи, попорчено. Оно читается по гречески такъ: „*ἐπὶ γὰρ Μονόμαχος δὲ ὁ εὐσεβέστατος βασιλεὺς Κωνσταντῖνος,.... τότε πατριάρχου, καὶ τῆς τηριχάδα ἱεράς τῶν ἀρχιερέων συνόδου, ἀποστείλαντες τὸν μτροπολίτην Ἐφύσον καὶ τὸν τῆς Ἀντιοχ... ἐστεφαν εἰς βασιλεῖα τὸν εὐσεβέστατον Βελίκ Κτὲς Βολοντῆμοιρον καὶ ἐδωρήσαντο αὐτῷ τότε βασιλικὸν στέμμα ἐπὶ τῆς κεφαλῆς καὶ τὸ μετα... διάδημα, καὶ τᾶλλα βασιλικὰ σημεῖα καὶ ἄμφια*“.

1) *Ibid.* Стр. 11—12. Также Козинъ говоритъ: *εἰ δὲ οὐκ ἔστι πατὴρ (τοῦ νέου βασιλέως) ποιεῖ τοῦτο (τὸ στέμμα ἐπιτίθησι τῇ κεφαλῇ τοῦ νέου βασιλέως) μόνος ὁ πατριάρχης*. De officiis palatii Const. c. 17, p. 90. Отноительно царскаго митропомазанія то-же самое. Nicephorus Gregora, Hist. Byz. lib. II, c. 2, p. 26, русск. перев. Спб. 1862, стр. 24.

2) Соборн. Грам., стр. 11.

3) Полн. Собор. Русск. .ІІг. т. I, стр. 47.

Множественное: „*ἀποστειλάτε*“ при одномъ подлежащемъ, неумѣстный предлогъ *ἐπὶ* и другіе грамматическіе недостатки этого мѣста побудили г. Вельтмана пересмотрѣть подлинную грамоту и новый просмотръ ея обнаружилъ „слишкомъ грубую подскобку нѣсколькихъ словъ для вставки слова: „Мономахъ“ предъ именемъ Константина“. Первоначально оно читалось такъ: „Іоаннъ ведетъ родъ отъ царицы Анны, сестры самодержцевъ: государя Василія Порфиророднаго и благочестивѣйшаго царя Константина. Они же, по благословенію тогдашняго патріарха и священнаго собора архіереевъ, пославши“ и т. д. Такимъ образомъ, грамота указывала первовѣнчаннаго князя въ супругъ царицы Анны Владимірѣ Святомъ ¹⁾. Но подъ вліяніемъ повѣсти о Владимірѣ Мономахѣ, которой Грозный придавалъ большую вѣру, такъ что въ 1552 г. даже распорядился написать ее на затворахъ новостроеннаго царскаго мѣста въ Успенскомъ соборѣ ²⁾, произведена была соотвѣтствующая поправка въ грамотѣ. Сообразно этой поправкѣ былъ написанъ и отвѣтъ Грознаго патріарху, гдѣ однако допущена новая несообразность: Анна названа „сестрой царя Багрянороднаго Мономаха“ ³⁾. Братъ царицы Анны никогда не носилъ имени Мономаха. Очевидно, важна была не историческая достовѣрность, а самое наименованіе „Мономахъ“.

Косвенное доказательство въ пользу того, что Владиміръ Святой получилъ инсигніи изъ Византіи, а не другой князь, можно находить въ слѣдующемъ. Какъ у восточныхъ, такъ и у западныхъ императоровъ было въ обычаѣ „князы въ цари производить и давати имъ титли и вѣнцы“ ⁴⁾. Этого мало. Раздаваніе атрибутовъ царскаго достоинства было почти постояннымъ, когда языческой князь принималъ христіанское крещеніе. Хлодвигъ, принявшій въ 495 г. крещеніе, получилъ отъ импер. Анастасія царское пурпуровое

¹⁾ Чт. въ О. II. и Др. Росс. 1860, кн. I, отд. I, стр. 30, 38—41. Самъ издатель грамоты констатировалъ, что „въ нѣсколькихъ мѣстахъ пергамень протерся“ (стр. 17 п 18), почему грамота и издана была съ 8 ыо пропусками.

²⁾ *Ibid.* стр. 35.

³⁾ Соб. Грам., стр. 40.

⁴⁾ Архим. Іоаннъ Райчъ, Історія разныхъ словенскихъ народовъ. Віенна. 1794. Ч. 1-я, кн. 1-я, гл. XVШ, § 11, стр. 215.

облаченіе и залотую корону. Въ 522 г. Зтафій (*Ztáfios*), царь Лазовъ, принявъ крещеніе, отправился домой изъ Константинополя увѣнчаннымъ импер. Юстиніаномъ, неся римскій царскій вѣнецъ и бѣлую шелковую хламиду ¹⁾. Даръ регалій, такимъ образомъ, былъ даромъ неофитамъ и, Владиміръ, какъ таковой, какъ государь, принявшій крещеніе со всѣмъ своимъ народомъ, какъ равноапостольный (*ἀποστολικός*) князь, получилъ инсигніи изъ Византіи.

Изъ всего доселѣ сказаннаго явствуетъ, что вѣнчаніе на Руси началомъ своимъ восходитъ ко времени Владиміра Святаго т. е. къ X вѣку. И такъ какъ въ X в. въ Византіи въ употребленіи былъ краткій чинъ вѣнчанія (какъ онъ переданъ у Константина Порфирогенита и въ *evxologion* Гоара) и муропомазаніе, употребленное въ этомъ вѣкѣ однажды при исключительныхъ обстоятельствахъ, еще не вошло въ обычай и утвердилось въ чинѣ лишь въ слѣдующемъ вѣкѣ, то нужно полагать, что этимъ краткимъ чиномъ и вѣнчанъ былъ Владиміръ Святой. Но такъ какъ, далѣе, существовало воззрѣніе, что вѣнчаніе могло совершаться только патріархомъ и такъ какъ, съ другой стороны, по смерти Владиміра Русь раздробилась на удѣлы и великій князь Кіевскій потерялъ власть, какую имѣлъ прежде, то и вѣнчаніе въ собственномъ смыслѣ у насъ уже не могло совершаться и дѣйствительно не совершалось до самаго конца XV в. Оно у насъ было замѣнено епископскимъ благословеніемъ на княженіе, совершавшимся на основаніи краткаго византійскаго чина коронованія и въ то же время при своей русской бытовой обстановкѣ. Лѣтописи даютъ скудныя свѣдѣнія о княжескомъ вѣнчаніи, но, однако изъ нихъ можно извлечь нѣчто опредѣленное, подтверждающее высказанную мысль.

Обычно, говоря о перемѣнѣ на княжескомъ тронѣ, лѣтописи выражаются такъ: „сѣде на столѣ“, „сѣде на княженіе на столѣ дѣдне и отни“ или: „посади на княженіе“ ²⁾. Иногда онѣ прибавляютъ многозначительную подробность: „сѣде въ Кыевѣ на столѣ дѣда своего и отца своего, сѣ

¹⁾ I. Malala, *Chronographia*, lib XVII, p. 412—413. Др. примѣры см у Паича, *ibid.*, стр. 215—217.

²⁾ Полн. Собр. Р. лѣт. ч. I. стр. 63, 70, 74, 78, 85, 87, 93, 95, 149 и др.

честью великою“ ¹⁾). Последняя замѣтка—глухой, но ясный намекъ на то, что посаженіе на престолъ или восшествіе на престолъ (иде на столъ ²⁾)—*intronisatio*) соединялось съ какими-то церемоніями. Въ другихъ мѣстахъ эта честь называется чиномъ, „порядомъ“ и порядокъ этотъ связывается съ храмомъ. „Ярополка князя во Владимирѣ на столѣ посадиша, въ святѣй Богородицѣ, весь порядокъ положше“ ³⁾). Ясно, что интронизація совершалась въ храмѣ по извѣстному порядку и имѣла церковный характеръ. Это лѣтопись подтверждаетъ еще нѣсколько разъ. Про Вячеслава Владиміровича она передаетъ, что, избранный на великокняжескій престолъ, онъ „въѣха въ Кіевъ, и ѣха къ святѣѣ Софьи, и сѣдо на столѣ дѣда своего и отца своего“ ⁴⁾). Въ другихъ мѣстахъ лѣтописецъ сообщаетъ, что пріѣзжавшаго торжественно встрѣчали. Такъ „пришедшу (Константину Всеволодовичу) Новугороду, изидоша со кресты противу ему съ честью великою множество народа, съ епископомъ Митрофаномъ, отъ мала и до велика; и пришедшу ему въ церковь святыя Софья, и посадиша и на столѣ, и поклоншеса, и цѣловаша и съ честью“ ⁵⁾); „вниде Вячеславъ въ Кіевъ, и людемъ съ митрополитомъ срѣтшимъ его, и посадиша и на столѣ“ ⁶⁾); „Володимеръ Мономахъ сѣдѣ Кіевѣ, усрѣтоша же и митрополить Никифоръ съ епископы и со всеми Кіяне, съ честью великою, сѣде на столѣ отца своего и дѣдѣ своихъ“ ⁷⁾). Встрѣченнаго вели въ главный храмъ города и тамъ сажали на престолъ. Какъ происходило самое посаженіе лѣтопись не говоритъ, отмѣчая почему-то лишь, что изъ храма князь ѣхалъ на великокняжескій дворъ и тамъ обѣдалъ. „Изяславъ отъ святоѣ Софьи поѣха, и съ братьею, на Ярославль дворъ, и Угры позва съ собою на обѣдъ и Кіяны, и ту обѣдавъ съ ними на велицѣмъ дворѣ на Ярославли, и пребыша у

1) *ibid.* стр. 2, стр. 56 ср. стр. 4.

2) *ibid.* стр. 1, стр. 96.

3) *ibid.* стр. 1, стр. 159.

4) *ibid.* т. 2, стр. 57.

5) *ibid.* т. 1, стр. 177—178.

6) *ibid.* стр. 134.

7) *ibid.* стр. 2, стр. 4; см. еще т. I, стр. 136; т. 3, стр. 33 и др.

велицѣ весельи“¹⁾. Только Ипатьевская лѣтопись проговаривается. Говоря о вокняженіи Мстислава во Владимірѣ на Волыни (1287 г.), она пишетъ: „пріѣхавъ, Володимерьѣха во пископью ко святѣй Богородицы: и созва бояры Володимерьскыя, и мѣстичѣ Русци и Нѣмцѣ, и повелѣ передо всеми чести грамоту братну, о даньи города Володимеря. Епископъ же Володимерьскій Евъсегнѣй благослови Мъстислава крестомъ воздвизальнымъ на княженіе Володимерское“²⁾.

Очевидно, чинъ былъ несложенъ: интронизация имѣла главное значеніе; о ней почти только и говоритъ лѣтопись. Съ этой стороны княжеское поставленіе сходно съ епископскимъ поставленіемъ. Это послѣднее по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, совершалось такъ: по окончаніи хиротоніи, когда митрополитъ снималъ съ себя облаченія, новопоставленный ожидалъ въ ризахъ „посаженія на столъ“, который былъ уже приготовленъ предъ дверями алтаря; протопопъ, другіе попы и клирошане вели новопоставленнаго и сажали на этомъ столѣ; затѣмъ съ одной стороны протопопъ, а съ другой—попъ, брали его „подъ пазуху“ и троекратно поднимали его на ноги и снова сажали, каждый разъ провозглашая: *εις πολλὰ ἔτη, δέβλοτα*. Послѣ этого, „отъ стола отведши“, провозглашали ему многолѣтіе, которое повторяли пѣвцы на обоихъ клиросахъ³⁾. Такъ въ главныхъ чертахъ совершалось, безъ сомнѣнія, и посаженіе князя на столъ. Оно имѣетъ аналогію и въ греческомъ чинѣ, сохранились его слѣды и въ послѣдующихъ чинахъ вѣнчанія. Въ первомъ дошедшемъ до насъ чинѣ вѣнчанія (1498 г.) прямо замѣчено, что онъ выработалъ на древней основѣ, и въ немъ посаженіе на столъ занимаетъ очень видное мѣсто⁴⁾. Этотъ же чинъ даетъ намъ понять, что благословеніе князя воздвизальнымъ крестомъ, о которомъ однажды упоминаетъ лѣтопись, не случайное явленіе, а обычная принадлежность княжескаго посаженія: чинъ говоритъ и о немъ. При благословеніи князя крестомъ читалась молитва: „Господи Боже

1) *ibid.* т. 2, стр. 56.

2) *ibid.* т. 2, стр. 216.

3) Е. В. Барсовъ, *op. cit.* стр. XIV.

4) Собр. Госуд. Грам. т. 2, № 25, стр. 28.

нашъ, Царю царствующихъ...“ Это —таже молитва, которая и доселѣ сохранилась въ чинѣ коронаціи и которую мы находимъ въ евхологіонѣ Гоара. Изъ XIV в. сохранился потребникъ, въ которомъ мы встрѣчаемъ весь Гоаровскій чинъ вѣнчанія въ славянскомъ переводѣ. Переводъ—буквальный, рабскій и въ немъ не видно никакой попытки приспособить чинъ къ русскимъ потребностямъ. Очевидно чинъ этотъ въ употребленіи не былъ. По тутъ же рядомъ съ чиномъ переписана особо выдѣленная изъ чина указанная нами молитва съ заглавіемъ: „молитва еже благословити Царя и *Князя*“¹⁾. Возлагались ли въ храмѣ на князя какія нибудь одежды, какъ инсигніи? Едва ли. Мы уже указывали ранѣе обстоятельства, которые не благопріятствовали введенію у насъ полнаго вѣнчанія. Благодаря имъ инсигніи Владиміра Святого не могли сдѣлаться наслѣдственными у великихъ князей, а удѣльнымъ и совсѣмъ ихъ негдѣ было взять. Если лѣтопись и говоритъ о томъ, что какъ тѣ, такъ и другіе носили какія-то особенныя одежды: коць и клобукъ, то въ тоже время даетъ понять, что это были обыкновенныя одежды, а не инсигніи²⁾. Право ношенія ихъ, очевидно, опредѣлялось рожденіемъ, а не церковнымъ чиномъ. Еще яснѣе подтверждаетъ это Ипатьевская лѣтопись, которая подъ лѣтомъ 6763 (1255) записала: „присла пала (Иннокентій IV) послы (князю Галицкому Данилу), носяще вѣнецъ и скипетръ и коруну, еже наречется королевъскій санъ, рекый: „сыну! пріими отъ насъ вѣнецъ королевства“³⁾. Очевидно, князь не имѣлъ инсигній. Инсигніи являются впервые въ самомъ концѣ XV в., когда по политическимъ условіямъ возможнымъ стало вѣнчаніе или коронація въ собственномъ смыслѣ. Въ это-то время входитъ въ употребленіе и весь чинъ византійской коронаціи X в. безъ мвропомазанія. Что именно въ такомъ видѣ нужно представлять себѣ исторію вѣнчанія на Руси, видно и изъ того, что лѣтописцы сохранили намъ подробное описаніе вѣнчанія въ 1498 г. Имъ онъ казался ново-

1) Чинъ въ переводѣ напечатанъ у Е. В. Барсова, *op. cit.* стр. 25—31 см. стр. XIII, прим. 4 и стр. 116—125.

2) П. С. Русск. Лѣт. т. 2, стр. 72; т. 5, стр. 146, 185 Собр. Госуд. Грам. томъ 1, № 21 и № 22.

3) П. С. Русск. Лѣт. т. 2, стр. 91.

стью. Разсматривая его, мы новость видимъ только въ томъ, что на князя въ церкви возлагаются княжескія одежды, какъ инсигніи; все остальное имѣетъ прецеденты въ древности.

Итакъ, послѣ единичнаго случая вѣнчанія въ X в., у насъ вѣнчаніе въ собственномъ смыслѣ впервые является въ XV в. и съ этого времени непрерывно совершается, постепенно усвая византійскія черты.

У вел. кн. Іоанна III умеръ старшій сынъ Иванъ. Недовольный своимъ другимъ сыномъ Василиемъ, онъ рѣшилъ передать великокняжеское достоинство своему внуку Дмитрію Ивановичу и 4 февраля 1498 г. „благословилъ и посадилъ его на великое княженіе“. Посаженіе было въ присутствіи митр. Симона, архіеп. Ростовскаго Тихона, 5-ти епископовъ и всего священнаго собора и совершено было такъ. Въ Успенскомъ соборѣ „уготовили мѣсто большее, на чемъ и святителей ставятъ, а на томъ мѣстѣ учинили три стулы: великому князю да внуку да митрополиту; и среди церкви напой, а на немъ положили шапку да бармы“. При входѣ князей въ соборъ, въ дверяхъ встрѣтили ихъ митрополитъ и благословилъ крестомъ, а затѣмъ „со всѣмъ соборомъ началъ молебень Пречистой да Петру чудотворцу; и по „Достойно есть“ и по тропарехъ, митрополитъ и князь великій сѣли на своихъ мѣстѣхъ, а внукъ сталъ у амвона. И потомъ князь великій и митрополитъ велѣли внуку пріити къ себѣ и внукъ сталъ на вышней степени у мѣста, не въходя на мѣсто“. Вел. князь говорилъ „рѣчь“ митрополиту, чтобы онъ внука „на великое княжество благословилъ“; послѣ „рѣчи“ внукъ вступилъ на мѣсто и митрополитъ, вставъ, благословилъ его крестомъ, а діаконъ произнесъ малую эктению, за которой послѣдовала коронаціонная молитва: „Господи Боже нашъ, Царю царствующихъ“. И по возгласѣ велѣлъ митрополитъ двумъ архимандритамъ принести бармы и, взявъ ихъ, передалъ великому князю, а тотъ возложилъ на внука, причемъ митрополитъ снова знаменалъ внука крестомъ. Слѣдовала другая коронаціонная молитва: „Тебѣ Единому Царю“, послѣ которой тѣмъ же порядкомъ произошло возложеніе на внука шапки; митрополитъ благословлялъ его при этомъ рукою и произнесъ крещальную формулу; и архієпископы и

епископы, вшедь на мѣсто, благословили внука руками. И митрополитъ и князь великій сѣли на своихъ мѣстахъ; „а внуку князь великій велѣлъ сѣсти подлѣ себя“; и внукъ, поклонившись ему до пояса, сѣлъ на своемъ мѣстѣ. „И сѣдѣвъ мало“, всѣ трое встали и слушали эктению, въ которую вставлено было прошеніе о новомъ князѣ и послѣ эктени митрополитъ прочелъ молитву: „О Пресвятая Госпоже Дѣво Богородицѣ“. „По молитвѣ“, сидя, всѣ трое слушали многолѣтіе, послѣ котораго князьямъ принесены были поздравленіе отъ духовенства, князей и „всѣхъ людей“. Затѣмъ митрополитъ сказалъ поученіе внуку и сдѣлалъ отпустить молебну, а потомъ была литургія, послѣ которой внукъ ходилъ въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы; и тамъ и здѣсь были эктени съ отпусомъ и внукъ прикладывался ко кресту ¹⁾).

Нужно отмѣтить, что этотъ чинъ въ подробностяхъ далеко ушелъ отъ греческой основы (X в.). Вѣнчаніе совершалось такъ же, какъ и въ Византіи, на амвонѣ, но на немъ стулы и даже для митрополита: въ Греціи послѣдняго никогда не было; инсигнии на аналоѣ, а не въ алтарѣ, встрѣча въ дверяхъ храма, молебное пѣніе, благословеніе крестомъ и благословеніе рукою съ произнесеніемъ крещальной формулы все это не имѣетъ мѣста въ чинѣ греческаго коронованія X в. Но основа русскаго чина всетаки греческая: тѣ же молитвы, тоже вѣнчаніе отъ вѣнчаннаго, та же эктениа, многолѣтіе, поздравленіе и поученіе. Чинъ вѣнчанія Димитрія Іоанновича дошелъ до насъ въ одномъ спискѣ въ такомъ видѣ, который представляетъ собою ни болѣе, ни менѣе, какъ церемоніаль, имѣющій въ виду вѣнчаніе, какъ будущее. Ясно, что чинъ напередъ составлялся и составитель его, взявъ за основу византійскій чинъ вѣнчанія X в., пополнилъ его „старинной“, нѣкоторыми чертами изъ позднѣйшаго византійскаго чина вѣнчанія, какъ онъ совершался въ соединеніи съ мирномазаніемъ, и нѣкоторыми оригинальными чертами,

Чинъ вѣнчанія Димитрія Іоанновича послужилъ образъ

¹⁾ Чинъ поставленія на великое княженіе кн. Димитрія Іоанновича. Спб. 1865. См. его также въ Собр. Госуд. Грам. т. 2, № 25, въ Лѣтописи зачатій Археогр. ком. вып. 3 и у Барсова, *op. cit.* стр. 32—38.

помъ для послѣдующаго времени. Чинъ вѣнчанія кн. Василія Іоанновича не сохранился. Чинъ вѣнчанія Іоанна Васильевича Грознаго (16 января 1546 г.) повторяетъ чинъ вѣнчанія Димитрія Іоанновича и даже въ литературномъ изложеніи обнаруживаетъ прямую зависимость отъ него. Но новыя политическія идеи внесли и нѣчто новое въ чинъ. Въ чинѣ прямо заявлено, что великій князь былъ вѣнчанъ „прародителя его вѣнчаніемъ, царя Великаго Владимера Мономаха“ и дѣйствительно подъ явнымъ вліяніемъ повѣсти о Мономаховыхъ регаліяхъ на Іоанна Грознаго предъ первою коронаціонною молитвою возложенъ былъ крестъ изъ животворящаго древа. Но въ этомъ только и разница собственно въ вѣнчаніи: въ остальномъ полное подобіе ¹⁾).

Кромѣ краткаго чина вѣнчанія Грознаго, сохранилось въ нѣсколькихъ редакціяхъ подробное описаніе его, въ которомъ говорится и о муропомазаніи Грознаго ²⁾). Но былъ-ли въ дѣйствительности Грозный помазанъ? Хотя невольно возникаютъ вопросы, которые могутъ повидимому оставлять подъ сомнѣніемъ муропоманіе Грознаго, однако есть основанія предполагать его. Описаніе муропомазанія Грознаго озаглавлено такъ: „чинъ, како подобаетъ помазати царя“. Повидимому заглавіе слишкомъ обще. Частный ли въ виду случай? Но такъ какъ муропомазаніе теперь употреблено въ первый разъ, то естественно возникалъ вопросъ: „какъ оно совершается? по какому чину?“ Когда возникъ этотъ вопросъ, поручено было кому нибудь навести справки и составить чинъ. Неизвѣстный составитель чина, выполнивъ заданную работу, озаглавилъ ее такъ, что заглавіе, лишь точно отвѣчало на предложенный ему вопросъ. Затѣмъ этотъ чинъ вѣроятно такъ точно и буквально былъ выполненъ, что уже и не было нужды описывать, *какъ совершилось* муропомазаніе; послѣдующіе писатели ограничивались простой прибавкой чина муропомазанія къ описанію вѣнчанія ³⁾ или лишь вставляли въ чинъ „како подобаетъ помазати царя“ въ потребныхъ мѣстахъ имя Іоанна Грознаго ⁴⁾).

¹⁾ Собр. Госуд. Грам. т. 2, № 33.

²⁾ Е. В. Барсовъ, *op. cit.* стр. 42—90. Двѣ редакціи. Др. Росс. Вивл. кн. VII, 2-е, изд. стр. 4—35. Дополненія къ Акт. Истор. т. I, № 39.

³⁾ Въ Древн. Росс. Вивлюикѣ

⁴⁾ Въ др. изданіяхъ.

Почему въ письмѣ къ патріарху Іоасафу и въ отвѣтной грамотѣ послѣдняго говорится только о вѣнчаніи, а о мѣропомазаніи ни слова? Нужно припомнить, что „вѣнчаніе“ было въ Византіи и у насъ техническимъ терминомъ, обнимавшимъ собою и помазаніе. Въ смыслѣ технического термина понялъ „вѣнчаніе“ въ письмѣ Грознаго и патріархъ, такъ какъ въ соборной грамотѣ онъ признаетъ вѣнчаніе полнымъ, совершеннымъ „законно и церковно“ и ничего не говоритъ о необходимости его дополнить помазаніемъ. Мы вправѣ были бы ожидать, что патріархъ, давая Грозному право именоваться царемъ, порекомендовалъ бы ему и помазаться, если бы письмо Грознаго понялъ въ томъ смыслѣ, что онъ былъ только вѣнчанъ, и не помазывался при этомъ.

Итакъ, нужно думать, что Іоаннъ Грозный былъ первымъ помазанникомъ на русскомъ престолѣ и мѣропомазаніе его совершено было такимъ образомъ. По причащеніи священнослужителей отверзты были царскія врата и архидіаконъ съ протодіакономъ пригласили царя „на помазаніе святаго и великаго мира и къ причащенію святыхъ и животворящихъ божественныхъ Христовыхъ таинъ“. Царь подошелъ къ царскимъ вратамъ, снялъ вѣнецъ и отдалъ скипетръ. Въ это время архіепископы и епископы вынесли на золотомъ блюдѣ св. мѣро и мѣтрополить, взявъ его своими руками и перекрестивъ трижды, помазавъ царя на челѣ, ушахъ, персяхъ, плечахъ и рукахъ, произнося каждый разъ: „печать и даръ Св. Духа, аминь“, потомъ отеръ помазанныя мѣста „вамбакомъ ¹⁾ чистымъ“. За помазаніемъ непосредственно было причащеніе здѣсь же вѣдъ алтаря по мѣрскому чину, послѣ чего царь отошелъ на свое мѣсто.

По греческому чину царскаго мѣропомазанія прошла русская рука и русскій чинъ его разнится отъ греческаго временемъ совершенія мѣропомазанія, мѣстами помазанія и формулой помазанія. Въ такомъ видѣ чинъ вошелъ въ употребленіе, но продолжалъ пополняться новыми чертами, изъ которыхъ одни касаются подробностей ритуала и имѣютъ русское происхожденіе, другіе представляютъ постепенное усвоеніе греческаго чина. Разсмотримъ это постепенное осложненіе чина.

Начиная съ вѣнчанія Феодора Ивановича (1584 г. Іюня 30)

регалии („царскій санъ“) приносятся въ Успенскій соборъ предъ приходомъ царя и въ дверяхъ собора встрѣчаются съ каждениемъ; затѣмъ кадятъ ихъ по положеніи на аналой. Выходъ царя бываетъ „по царскому чину“ — торжественный и впереди царя всегда идетъ царскій духовникъ съ крестомъ и со святою водою, которой и кропитъ путь крестообразно. По входѣ царя въ соборъ царь прикладывается къ иконамъ и мощамъ и принимаетъ благословеніе отъ патріарха по обычаю. По возложеніи вѣнца митрополитъ (впослѣдствіи патріархъ) беретъ его за десную руку и „поставляетъ“ на царскомъ мѣстѣ. Является скипетръ, который вручается царю съ произнесеніемъ опредѣленной формулы. По врученіи скипетра митрополитъ снова беретъ царя за десную руку и сажаетъ на тронъ. На литургіи при маломъ входѣ и по прочтеніи евангелія царю приносятъ цѣловать св. евангеліе. Послѣ великаго входа на царя возлагается цѣль аравійскаго злата. Въ опредѣленные моменты литургіи царь снимаетъ шапку или вѣнецъ и стоитъ съ непокрытой головой ¹⁾. Въ чинѣ вѣнчанія Бориса Θεодоровича Годунова (1598 г. Сентября 3) было много особенностей. Крещальная формула, произносимая при возложеніи вѣнца, была сказана съ такою прибавкою: „благочестивый царь и великій князь Борисъ Θεодоровичъ, всея Руссіи самодержецъ, Богомъ вѣнчаваеъ главу свою вѣнцемъ царствія въ долготу лѣтъ въ родъ и родъ“. Борису послѣ возложенія вѣнца дано было въ лѣвую руку яблоко (держава) съ произнесеніемъ особой формулы, а затѣмъ уже въ правую руку скипетръ. Предъ помазаніемъ патріархъ читалъ двѣ большихъ молитвы: одну вслухъ всѣхъ, другую „втай“. По муропомазаніи патріархъ самъ снова возложилъ вѣнецъ на главу Бориса и возгласилъ: *ἄξιός* и прочелъ еще двѣ молитвы вслухъ ²⁾. На послѣдующее время изъ этихъ прибавленій осталось лишь „яблоко“ и вѣнчаніе Василя Іоанновича Шуйскаго (1606 г. Іюня 1) ³⁾ и Михаила Θεодоровича (1613 г. Іюля 11) ⁴⁾ совершены были въ остальномъ согласно съ чиномъ вѣнчанія Θεодора Іоанновича. Въ

¹⁾ Собр. Государ. Грам. т. 2, № 51.

²⁾ Дополненія къ Акт. Ист. т. I, № 145.

³⁾ Акты Археогр. экспедиціи, т. 2, № 47.

⁴⁾ Собр. Госуд. Грам. т. 3, № 16.

вѣнчаніи Алексѣя Михайловича новостью является помазаніе его „и на брадѣ и подѣ брадою и на выѣ“; предѣ мѣропомазаніемъ онъ прикладывался къ мѣстнымъ иконамъ Спасителя и Божіей Матери ¹⁾). Вѣнчаніе Θεодора Алексѣевича (1676 г. Іюня 16) составляетъ эпоху въ исторіи коронаціоннаго чина на Руси. Послѣ обычной рѣчи царя о желаніи вѣнчаться на царство патріархъ спросилъ его: „Великій Государь! Царь и великій Князь Θεодоръ Алексѣевичъ, како вѣруеши и исповѣдуеши Отца и Сына и Святаго Духа?“ и царь прочелъ символъ вѣры, послѣ чего патріархъ „глаголалъ“: „Благодать пресвятаго Духа да будетъ съ тобою“. За симъ послѣдовала обычная „рѣчь“ патріарха, послѣ которой царь снялъ бывшую на немъ „одежду“ и возложилъ на себя „царскую одежду“. Какая это была одежда, указаній на это нѣтъ: выходитъ однако нѣчто подобное греческому возложенію „порфиры“. Ранѣе въ вѣнчаніи этого не было и бармы, представлявшія собою „оплечье“, возлагались на ту одежду, въ какой царь являлся въ церковь. Послѣ мѣропомазанія царь чрезъ царскія врата введенъ былъ въ алтарь и за затворенными вратами приобщенъ св. таинъ по чину священническому. Помазанія на брадѣ и подѣ брадою не было, но на выѣ было ²⁾). Совершенно согласно съ чиномъ вѣнчанія Θεодора Алексѣевича совершено было 23 Іюня 1682 г. двойное вѣнчаніе Петра и Іоанна Алексѣевичей ³⁾).

Итакъ, лишь во второй половинѣ XVII в. произошло у насъ полное усвоеніе окончательно установившагося греческаго чина коронаціи. Не усвоеннымъ осталось участіе царя въ великомъ выходѣ и царское кажденіе въ алтарѣ. Впрочемъ должно отмѣтить, что усвоеніе греческаго чина совершилось со многими оригинальными измѣненіями и дополненіями. Даже знаменательный обрядъ врученія повопоставленному государю *акакіи* если не исполнялся у насъ буквально, то замѣнялся другимъ подобнымъ обычаемъ. Непосредственно послѣ вѣнчанія цари наши слѣдовали изъ

¹⁾ Др. Росс. Вивл. стр. 234—303, кн. VII, 2-е изд. Барсовъ, *op. cit.*, стр. 91—97.

²⁾ Росс. Вивл. кн. VII, 2-е изд. стр. 304—372, Барсовъ, *op. cit.*, стр. 98—106.

³⁾ Др. Росс. Вивл. *ibid.*, стр. 403—484, ср. Барсовъ, *ibid.*, стр. 91—97.

Успенскаго собора въ Архангельскій для поклоненія гробницамъ предковъ (съ XV в.). По основательному соображенію прот. А. В. Горскаго, здѣсь, по древнему выраженію, „прощаясь у гробовъ“, видѣли они и *кончину престающаго* (2 Кор. 3, 13) ¹⁾.

Въ XVIII в. чинъ коронованія подвергся новой метаморфозѣ и получилъ тотъ видъ, какой имѣеть и доселѣ. Петръ Великій принялъ титулъ императора и новое величіе власти соотвѣтственнымъ образомъ квалифицировало чинъ. Прежде всего это отразилось на положеніи предстоятелей церкви при коронаціи. При вѣнчаніи царей имъ принадлежало выдающееся мѣсто. Митрополитъ или патріархъ во время вѣнчанія возсѣдалъ въ церкви на особомъ возвышеніи рядомъ съ царемъ. Совсѣмъ другой порядокъ вещей сложился при коронованіи императоровъ. Сначала они сидятъ, но на особыхъ скамьяхъ, устроенныхъ отъ императорскаго трона до амвона по обѣимъ сторонамъ; съ теченіемъ времени уничтожены и эти сидѣнья и предстоятели церкви вообще имѣютъ уже чисто служебное положеніе, являясь болѣе помощниками и свидѣтелями коронованія, чѣмъ его совершителями и занимая точно такое положеніе, какое имѣли Константинопольскіе патріархи при вѣнчаніи византійскихъ автократовъ.

Въ остальномъ переменны сказываются не сразу и вѣнчаніе совершается „по чиновнику *царскаго* вѣнчанія“. Разница лишь въ томъ, что вмѣсто бармъ употребляется порфира. Да кромѣ того чинъ осложняется введеніемъ въ него 100-го псалма, который поется при входѣ императора въ соборъ. Такъ совершена была коронація импер. Петра II 25 февраля 1728 г. ²⁾.

Уже изъ сказаннаго видно, что переменны въ чинѣ коронованія лишь сближали его съ византійскимъ чиномъ. Это

¹⁾ О священнодѣйствіи вѣнчанія и помазанія царей на царство въ Прибавл. къ Твор. св. оо. 1882 г. т. 29, стр. 147. Попытка въ другомъ смыслѣ выяснить поклоненіе гробницамъ Архангельскаго собора (Гр. Георгіевскій, Коронованіе русскіхъ государей въ Русскомъ Обозрѣвіи, 1895 г., № 11, стр. 239) неудовлетворительна.

²⁾ Барсовъ, *op. cit.* стр. 107—115. Церемоніалъ коронованія императора Петра II. Сиб. 1858.

сближеніе пошло далѣе и выразилось въ принятіи византійскаго обычая коронованія императриць ¹⁾).

15 Ноября 1723 г. импер. Петръ Великій издалъ манифестъ о своемъ высококомъ намѣреніи короновать свою супругу Екатерину Алексѣевну. 7 Мая 1724 г. ея коронація была торжественно отправлена въ Москвѣ, причѣмъ было стремленіе охранить греческую основу чина и западно-европейскіе коронаціонные обычаи вводились лишь постольку, „сколько по греческому закону позволяется“. Касались эти обычаи болѣе декоративной обстановки коронаціонной церемоніи и свѣтскаго ея элемента. Коронація императрицы была совершена такъ. Послѣ „рѣчи“ Петра о своемъ желаніи короновать императрицу, Новгородскій архіепископъ Θεодосій, совершавшій коронацію, пригласилъ Государыню исповѣдать православную вѣру. Государыня прочла символъ вѣры и потомъ стала на колѣни. Архіеп. Θεодосій, осѣнивъ главу ея крестообразно и положиа руку на главу ея, прочиталъ первую коронаціонную молитву, послѣ которой императрица встала. Архіепископъ подаль императору порфиру и тотъ возложилъ ее на императрицу. Императрица въ порфирѣ снова опустилась на колѣни и Θεодосій прочиталъ вторую молитву, послѣ которой на императрицу императоромъ возложена была корона, поданная архіепископомъ. Во время возложенія короны на императрицу, архіепископъ крестообразно осѣнилъ главу ея и произнесъ крещальную формулу. Императрицѣ затѣмъ подана была держава архіепископомъ и послѣдовали поздравленія.

Новостью сравнительно съ греческимъ чиномъ было муропомазаніе императрицы. Послѣ причастнаго стиха („кіноника“) императоръ и императрица подошли къ царскимъ вратамъ. Въ самыхъ царскихъ вратахъ была положена подушка, на которую и опустилась государыня. Два архіерея вынесли сосудъ съ св. муромъ. Архіепископъ Θεодосій взялъ на то уготованный струецъ и, омочивъ его въ муро, крестообразно помазалъ государыню на челѣ, персяхъ и обѣихъ рукахъ, произнося при этомъ крещальную формулу.

¹⁾ Въ своемъ манифестѣ о желаніи короновать супругу Петръ ссылается на византійскую практику, указывая тѣже самыя примѣры, какіе мы привели ранѣе. Поли. Собр. Зак. Росс. имперіи (1-ое) т. 7, № 4⁶⁶

Другой же архіерей хлопчатой бумагой отеръ помазанныя мѣста. Императрица затѣмъ приобщена была св. тайнъ по чину мірскихъ человѣкъ ¹⁾).

Подобнымъ же образомъ совершалось коронованіе императрицъ и впослѣдствіи съ тою лишь особенностью, что, прежде возложенія короны на императрицу, императоръ снималъ съ своей головы корону и ею прикасался къ главѣ государыни. Кромѣ того муропомазаніе ихъ совершалось только на челъ.

Нѣсколько иначе совершалось коронованіе „правлящихъ“ императрицъ. Регалии на нихъ возлагались или первенствующимъ архіереемъ ²⁾ или ими самими (Елисавета и Екатерина II). Для Причащенія онѣ вводились во св. алтарь, гдѣ принимали св. тайны по чину священническому. Такъ совершены были коронованія Анны Іоанновны 28 Апрѣля 1730 г. ³⁾, Елисаветы Петровны 25 Апрѣля 1742 г. ⁴⁾ и Екатерины II-ой 22 Сентября 1762 г. ⁵⁾.

Чинъ коронованія вновь былъ пополненъ при Аннѣ Іоанновнѣ двумя молитвами, которыя и утвердились въ чинѣ. Это во 1-хъ произносимая колѣнопреклоненнымъ государемъ умиленная молитва Царю Царствующихъ, въ которой царь благодаритъ за удостоеніе величайшаго на землѣ званія и проситъ о божественной помощи въ его великомъ служеніи и во 2-хъ молитва произносимая при общемъ колѣнопреклоненіи—благодарственная за дарованіе царя по сердцу и просительная за царя. Эти молитвы составляютъ оригинальную православно-русскую черту въ чинѣ, неизвѣстную чину греческому и чинамъ западнымъ ⁶⁾. Составлены онѣ вѣроятно извѣстнымъ архіепископомъ Теофаномъ

¹⁾ Описаніе коронаціи Ея Величества Екатерины Алексіевны. Спб. 1724—Москва 1725.

²⁾ Анна Іоанновна.

³⁾ Описаніе коронаціи императрицы Анны Іоанновны. Москва. 1730.

⁴⁾ Обстоятельное описаніе коронованія императрицы Елисаветы Петровны. Спб. 1744.

⁵⁾ Обстоятельное описаніе коронованія императрицы Екатерины II. Спб. 1854.

⁶⁾ Западныя чины коронаціи см. въ книгѣ: Ceremonies et coutumes religieuses de tous les peuples du monde, t. 7, 2 partie, Amsterdam, 1743, p. 109—122.

Прокоповичемъ, который и короновалъ императрицу Анну Иоанновну.

Завершеніемъ въ образованіи русскаго чина священнаго коронованія является чинъ коронованія императора Павла Петровича 5 Апрѣля 1797 г. ¹⁾. Начиная съ него для священнаго коронованія существуетъ уже опредѣленное и неизмѣнное „церковное чиноположеніе“. Дѣйствительно исполнѣ согласно съ его чиномъ совершенно было коронованіе императоровъ: Александра I-го 15 Сентября 1801 г. ²⁾, Николая I-го 22 Августа 1826 г. ³⁾, Александра II-го 26 Августа 1856 г. ⁴⁾ и Александра III-го 15 Мая 1883 г. ⁵⁾. Не была лишь усвсена послѣдующимъ временемъ одна особенность въ коронаціи импер. Павла Петровича: возложеніе имъ на себя древне-византійскаго далматика, послѣ котораго уже надѣта была имъ порфира.

Отличительное свойство чина коронованія „по церковному чиноположенію“ то, что молебное пѣніе, въ соединеніи съ которымъ совершалось коронованіе и прежде, теперь получило болѣе законченный и стройный видъ чрезъ включеніе въ него новыхъ приличныхъ случаю, прошеній эктеній, тропарей, париміи изъ Псаіи 49, 13—19, чтеній изъ Апостола (Рим. 13, 1—7), и Евангелія (Мѡ. 22, 15—22). Регалии неизмѣнно возлагаются самимъ Государемъ, который лишь принимаетъ ихъ изъ рукъ первенствующаго архіерея.

¹⁾ Чинъ дѣйствія, какимъ образомъ совершилось коронованіе Е. И. В. Павла I по церковному чиноположенію. Москва. 1797. Петръ III не былъ коронованъ въ свое время. О его посмертной коронаціи импер. Павломъ I см. у В. И. Жмакина въ ст.: Коронаціи русскихъ императоровъ и императриць (1724—1856 гг.) Русская Старина, 1883 г. т. 37, стр. 527—529.

²⁾ Чинъ дѣйствія, какимъ образомъ совершилось коронованіе императора Александра I. Москва. 1801.

³⁾ Чинъ дѣйствія, какимъ образомъ совершилось священнѣйшее коронованіе Е. И. В. Государя Императора Николая Павловича самодержца Всероссійскаго, по церковному чиноположенію. Москва. 1826.

⁴⁾ Чинъ дѣйствія, какимъ образомъ совершиться имѣеть священнѣйшее коронованіе Е. И. В. Государя Императора Александра Николаевича, по церковному чиноположенію. Сиб. 1856. Чинъ дѣйствія, какимъ образомъ совершилось священнѣйшее коронованіе Е. И. В. Александра Николаевича, по церковному чиноположенію. Москва. 1856.

⁵⁾ Официальнаго описанія коронованія не издано; см. описаніе его коронаціи въ Церк. Вѣстн. 1883 г.

Слѣдя за историческими судьбами русскаго чина св. коронованія, мы приходимъ къ тому заключенію, что его образованіе опредѣлялось тѣми же условіями, какія дѣйствовали на образованіе греческаго коронаціоннаго чина. Измѣненіе политическихъ условій русскаго государства и развитіе государственной власти соотвѣтственнымъ образомъ отражалось на чинѣ, причѣмъ онъ постепенно воспринималъ въ себя греческіе элементы, дополняя и измѣняя ихъ, и въ то же время пополнялся оригинальными и самобытными русскими чертами. Это постепенное образованіе его, закончившееся въ концѣ прошлаго столѣтія, создало современный чинъ, вполне и со всею рельефностью выражающій ту же идею, какую стремился воплотить въ себѣ и греческій чинъ священнаго коронованія, какую, хотя и не всецѣло, выражали и наши прежніе коронаціонные чины,—идею тѣснаго союза царя съ народомъ чрезъ царскій завѣтъ съ церковью, которая и душа и совѣсть народа.

К. Поповъ.
